

МИРОСЛАВ МЛАДЕНОВИЧ

Военная стратегия в международных отношениях

Один из главных вопросов — как исследовательских, так и практической политики, — связан с анализом стратегии развития крупных социальных систем, будь то государства, региональные объединения или военно-политические блоки. Особую актуальность проблематика стратегического планирования и военной стратегии, в частности, приобретает в условиях повышенной турбулентности системы международных отношений. Как справедливо отмечает Е. Г. Пономарева, 2011 год «вошел в историю как год трагедий и катастроф. Однако последствия даже таких тяжелых природных катаклизмов, как землетрясения, цунами и наводнения, меркнут в сравнении с рукотворными трагедиями. В их ряду инспирированные “цветные революции”, кровавая бойня и уничтожение прежней, пусть специфической, но цивилизации в Ливии. Сохраняющаяся небезопасность в мире самым непосредственным образом связана с постоянными рецидивами односторонних силовых действий, которые в свою очередь обусловлены

Планы — ничто, планирование — все.

Хельмут фон Мольтке

Стратегия — это наука использования пространства и времени. Второе меня заботит больше. Территорию можно отвоевать, а потерянного времени не вернешь.

Август фон Гнейзенау

“синдромом победы” Запада в “холодной войне”, стремлением к новой идеологизации и ремилитаризации международных отношений»¹.

Можно утверждать, что события «арабской весны» — часть стратегии глобальной гегемонии Запада, сформированной еще в период «холодной войны». Однако, прежде чем вдаваться в детали формирования военной стратегии, необходимо сделать некоторые уточнения по «общим вопросам». Как говорил классик, «кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя “натывать” на эти общие вопросы»².

Стратегия: общие вопросы

Понятие «стратегия» многоуровневое и масштабное. Изначально оно

¹ **Е. Г. Пономарева.** В тисках турбулентности. — www.fondsk.ru/news/2012/01/20/v-tiskah-turbulentnosti.html

² **В. И. Ленин.** Отношение к буржуазным партиям. — **Он же.** Полн. собр. соч. Т. 15. С. 368.

обозначало часть военного искусства и охватывало вопросы подготовки и ведения войн, а конкретно — воспринималось как искусство или наука «быть полководцем»³. В Британской энциклопедии стратегия понимается как «наука или навыки использования всех национальных ресурсов или ресурсов для осуществления военных целей»⁴.

Довольно часто трактовки стратегии подчеркивают ее непосредственную связь с политикой. Так, известный теоретик стратегии Лидел Харт считает,

Можно утверждать, что события «арабской весны» — часть стратегии глобальной гегемонии Запада, сформированной еще в период холодной войны.

что стратегия «это навыки использования вооруженных сил в политически намеченных целях». В свою очередь, французский теоретик, генерал Андре Бофр подчеркивает, что стратегия «это навыки осуществить применение силы в достижении политических целей»⁵. В сербских энциклопедиях также подчеркивается устойчивая связь политики и стратегии как сегмента военных навыков, предназначенных для «подготовки и ведения войны, с использованием вооруженной силы, ради осуществления определенных военных, политических или экономических целей»⁶. В словарях советского

периода эта связь еще более заметна: «...политика перед стратегией ставит задачи, а стратегия обеспечивает их выполнение»⁷.

Не менее значимой для современного понимания стратегии является древнекитайская трактовка этого понятия, впервые изложенная в книге «Искусство войны» (авторство большинством исследователей приписывается стратегии и мыслителю Сунь-Цзы, жившему, предположительно, в VI или, по другим источникам, в IV веке до н. э.). По этой версии стратегия — это умение избегать открытых конфликтов, использовать меняющиеся обстоятельства в свою пользу, предвидеть изменение ситуации⁸.

Необходимо отметить, что, возникнув как составная часть теории вооруженной борьбы, в современных условиях стратегия необходима, практически, во всех сферах общественной жизни. Без понимания и применения стратегии сегодня невозможна организация деятельности экономических и политических институтов, не говоря уже о стратегическом планировании развития той или иной страны или региона. Во многих вузах и научно-исследовательских центрах стратегия уже представлена как отдельная научная дисциплина, подчеркивающая важность процесса планирования, суть которого состоит в объединении целей, действий и ресурсов в единое целое.

В связи с этим ряд авторов говорит о так называемой полистратегии, содержащей, помимо собственно военного сегмента, и остальные элементы общественной жизни — такие, как политика, экономика, дипломатия. Понимая стратегию таким образом,

³ «Вуяклија. Лексикон страних речи и израза». Београд, 1985. С. 876.

⁴ «The New Encyclopedia Britannica». Vol. 11. Chicago, 1985. P. 304.

⁵ *Цит. по: В. Димитријевић, Р. Стојановић*. Основы теории међународних односа. Београд, 1977. С. 126.

⁶ «Мала енциклопедија». Књ. III. Београд, 1986. С. 512.

⁷ «Советский энциклопедический словарь». М., 1989. С. 1290.

⁸ *См. Сунь-Цзы*. Искусство войны. — www.chugreev.ru/st-sun-czi.html

наблюдаем, что она тесно связана с внешней политикой и становится неизбежной в процессе изучения международных отношений. Несмотря на то, как понимается стратегия в общем смысле, большинство теоретиков, согласны в оценке, что это прежде всего вид практической деятельности, а теория стратегии — это теория акций. В самом общем смысле она должна ответить на вопрос «как что-то сделать?». А это значит, что стратегия представляет своего рода обоснования результативного достижения намеченных целей. Ее успешность определяется возможностью достижения ею же намеченных целей.

Иными словами, стратегия формируется исходя из стратегических целей, она предлагает основные методы

их достижения таким образом, чтобы действия имели единое направление. В свою очередь понятие «стратегический» может быть истолковано как «имеющий длительную временную перспективу»⁹ и относящийся к генеральному пути движения к цели или задающий направление (курс, маршрут) движения к цели. С другой стороны, стратегическое мышление, видение существуют там, где возможен реальный выбор. Как сказал бы Карл Клаузевиц, стратегия — «царство выбора». Современные теории (кроме военных) рассматривают это понятие как намеренную и запланированную деятельность определенных институтов. По сути, стратегия предполагает связь того, что запланировано, с тем, что не предусмотрено.

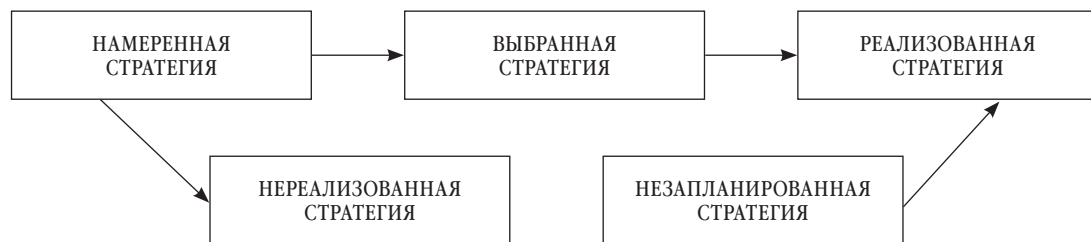

Рис. Связи стратегического планирования

Источник: С. Hill, G. Jones. Strategic Management Theory. Boston, 1992.

Учитывая отмеченные различия в понимании, а также то, что стратегия — развивающаяся категория, полагаем целесообразным в данной работе понимать под стратегией *всеобъемлющий процесс планирования и организации самой общей подготовки страны (коалиции стран) к ведению войны с применением вооруженной силы в целях осуществления определенных государственных и общественных интересов*. В стратегической иерархии это всего лишь часть концепции, относящаяся к национальной безопасности и обороне. Если обозначить иерархию стратегии в целом, то верхние позиции в ее рамках займет всеобъемлющая стратегия развития общества, затем

последует внешнеполитическая стратегия, далее — стратегия национальной безопасности и наконец стратегия обороны. Такое схематичное деление допустимо лишь при понимании сложности проблемы. По сути же, речь идет о неразрывных частях одного целого, касающегося «интегральной мощи»¹⁰, формируемой многочисленными факторами конкретного общества.

⁹ Р. Айдинян, Т. Шипунова. О соотношении понятий «цель», «стратегия» и «тактика» в теории и практике менеджмента. — www.cfin.ru/press/pmixon/2001-2/27.shtml

¹⁰ См. «Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 ведущих стран мира». Под ред. А. И. Агеева, Г. Менша, Р. Мэтьюза. М., 2008.

И еще одно важное замечание. «Стратегия — это сложное и потенциально мощное оружие, с помощью которого государство или союз государств могут не только реагировать на новые вызовы, противостоять им, но и достигать совершенно нового, ранее невозможного уровня развития»¹¹. Именно поэтому в случае, если по интегральной мощи государство или наднациональное образование не только значительно превосходит другие страны, но и не имеет серьезного противовеса со стороны другой страны/союза, то стратегия скорее всего будет носить агрессивный характер. По меткому замечанию Карлоса Кастанеды, «стратегия — удел сильных игроков, мир слабых обходится без стратегии»¹².

Связь политики и военной стратегии как важнейших факторов государственной деятельности очевидна и непосредственна, хотя она и не всегда четко и однозначно дифференцирована. В ранние исторические периоды преобладало мнение о большей значимости военной стратегии, которая воспитывает настоящих политиков. «Наполеон и Фридрих Великий отождествляли военных и политических лидеров. И военные, и государственные решения принимались одними лицами. В их государствах не могло быть несогласованности в национальной политике и военной стратегии»¹³. В период Второй мировой войны и после нее немалое число глав государств осуществляли непосредственное руководство важнейшими военными операциями, нередко при открытом или тайном негодовании генералов.

Однако большинство исследователей и политиков полагает, что политика есть и должна быть значимее, выше стратегии, так как касается всех общественных институтов, сегментов, норм. Карл Клаузевиц, совершивший своими сочинениями переворот в теории и основах военных наук, писал: «...подчинение политической точки зрения военной было бы парадоксальным... так как политика — это мать войны; она — ее ум, а война — это только орудие, отнюдь не наоборот»¹⁴. Действительно, любая политика (речь в данном случае не идет о самозванцах или мародерах во власти) подразумевает наличие стратегии, так как именно она призвана определять цели. Конечно, «стратегические аргументы весьма важны, но они всего лишь один из элементов в принятии политических решений»¹⁵. Формальное закрепление приоритета политики над военной властью осуществляется в современных демократических системах.

Динамика стратегических концепций России и США

Взаимозависимость, «гармония противоположностей»¹⁶ как характеристика субъектов международных отношений проявляется в различных сферах общественной жизни, самые важные из которых — экономическая, политическая, геополитическая, культурная, технологическая и информационная. И хотя человеческое общество в эпоху глобализации, без сомнений, представляет собой некую целостность, в ее структуре четко выделяются три различные цивилизации: «первую еще символизирует мотыга,

¹¹ **А. Р. Текеев.** Стратегия развития России как научная и политическая проблема. — www.rikmosgu.ru/publications/3559/4608/

¹² **К. Кастанеда.** Путешествие в Икстлан. Киев, 2008. С. 12.

¹³ «The New Encyclopedia Britannica». Vol. 11. P. 305.

¹⁴ **К. фон Клаузевиц.** О рату. Београд, 1951. С. 523.

¹⁵ **В. Димитријевић, Р. Стојановић.** Основа теорије међународних односа. С. 127.

¹⁶ **Хераклит.** Фрагменты. Загреб, 1951. Фр. 51.

вторую — сборочный конвейер, а третью — компьютер»¹⁷.

Экономической основой единства противоположностей мирового сообщества являются научно-технологические изменения, придающие революционное ускорение историческим событиям. В то же время отношения господства-подчинения по-прежнему определяют продвижение по мировой иерархической лестнице, и военная составляющая этого процесса остается одной из определяющих. Единство и взаимозависимость экономики и политики в современном мире ярче всего проявляются в роли военных структур. Так, с одной стороны, военно-промышленные комплексы ведущих мировых игроков «плотью и кровью» связаны с экономикой «своей» страны, с другой — являясь главным субъектом политики силы, реализуют многие экономические интересы «своих» правительств в «чужих» странах и регионах. Причем каждый новый этап человеческой истории усиливает в первую очередь ее военную составляющую. Многие исследователи вообще рассматривают историческое развитие сквозь призму эволюции военных искусств.

Так, согласно Ч. Тилли, национальное строительство и формирование государственности являются побочными эффектами войн¹⁸. Э. Д. Смит, разделяя эту точку зрения, пишет, что война — «это двигатель процесса создания государств, но также и процесса формирования нации»¹⁹. Схожую позицию занимает М. Манн, считающий, что создание эффективной

милитаристской системы и военные факторы обладали несомненной важностью в процессе формирования национальной государственности²⁰. Помимо справедливых указаний на роль войны и военного искусства (включая технологии, планирование, организацию и т. п.) в развитии государства и мировой системы в целом, следует отметить прямую зависимость количества сторон, включенных в военные конфликты, от уровня экономического и научно-технического развития общества. Чем человечество становится более развитым материально, тем война становится не только более масштабной, но и более жестокой по своим последствиям. «С развитием цивилизации увеличиваются иррациональность, агрессивность, массовая деструкция, наслаждение в спектаклях насилия»²¹.

Так, в период с 1946-го по 2006 год в мире произошли 232 вооруженных конфликта в 148 зонах²². «Хотя территориально большинство этих конфликтов пришлось на менее развитые и развивающиеся регионы мира, по числу международных конфликтов, в которых принимала участие та или иная страна, лидируют развитые государства. Наиболее «воинственными» государствами оказались Соединенное Королевство (Великобритания) и Франция, участвовавшие, соответственно, в 21 и 19 конфликтах. На третьем месте находились США, а на четвертом — СССР (Россия), но лишь при условии, что СССР и Российская Федерация рассматриваются как одно и то же государство. Затем следуют Австралия, Нидерланды и Израиль, и только восьмое и десятое место занимают Египет и Китай. По числу лет, в те-

¹⁷ **А. Тофлер, Х. Тофлер.** Рат и антират. Београд, 1998. С. 22, 23.

¹⁸ См. **Ch. Tilly.** States and Nationalism in Europe. — «Theory and Society». 1994. Vol. 23. № 1. P. 131—146; **Ч. Тилли.** Принуждение, капитал и европейские государства, 1990—1992. М., 2009. С. 241—246.

¹⁹ **Э. Д. Смит.** Национализм и модернизм. М., 2004. С. 148.

²⁰ См. **M. Mann.** The Sources of Social Power. Cambridge, 1993. Vol. II. P. 142—156.

²¹ **M. Pečujli, V. Mili.** Sociologija. Beograd, 1994. S. 186.

²² См. **L. Harbom, P. Wallensteen.** Armed Conflict, 1989—2006. — «Journal of Peace Research». 2007. Vol. 44. № 5. P. 623.

чение которых страна была вовлечена в вооруженные конфликты, абсолютным лидером является Израиль». Особенно показателен тот факт, что «более половины общего числа конфликтов за послевоенный период произошли после окончания “холодной войны”. Иными словами, на более длительный период “холодной войны” пришлось меньшее число конфликтов (которые, впрочем, включали достаточно крупные войны — например в Корее и Вьетнаме). Налицо определенный сдерживающий потенциал биполярной системы, которая препятствовала распространению многих локальных конфликтов и резкому росту их числа»²³. Если же к этому добавить новые и потенциальные (Сирия, Иран) конфликты в странах Северной Африки и Ближнего Востока, опять же инспирированные западными странами, то возникает ощущение, что мир несется в пучину агрессивной деструкции.

Следует, однако, отметить, что лавина конфликтов, накрывшая мир после крушения биполярной системы, стала во многом следствием реализации той стратегии победителей в «холодной войне», которую в самом общем виде можно обозначить как «новый мировой порядок». Конечно, эта стратегия нуждалась в уточнениях, связанных с необходимостью нового определения их роли в изменившемся мире, в условиях новых вызовов и угроз, нового понимания безопасности.

Главной дилеммой в стратегических концепциях США как главного победителя в «холодной войне» стал выбор между «жесткой» и «мягкой» властью в обеспечении своих национальных интересов. Автор концепции «мягкой власти» Дж. С. Най неоднократно критиковал американскую администрацию за то, что она только

в XXI веке потратила на силовое давление в 400 раз больше средств, чем на давление «мягкое»²⁴. Однако, несмотря на критику, причем со стороны не только Ная, но и России, Китая, Бразилии и даже союзников по НАТО, Белый дом не сократил силовой компонент продвижения своих интересов. И хотя в «Стратегии национальной безопасности США», принятой в 2010 году, отмечено, что «самый эффективный способ продвижения наших (американских. — М. М.) ценностей, это жить в соответствии с ними», роль вооруженных сил в продвижении и защите интересов Америки осталась прежней. «Наши вооруженные силы всегда будут краеугольным камнем нашей безопасности и поэтому должны всегда быть в боевой готовности»²⁵. Америка, как и прежде, будет стараться действовать вместе с зарубежными союзниками, а если придется действовать в одностороннем порядке, то будет делать это на основании стандартов, регулирующих использование силы²⁶.

Детализация стратегии национальной безопасности США дана в другом важном документе — «Национальной военной стратегии». Раз в два года этот документ пересматривается в соответствии с новыми рисками и вызовами безопасности. Последний из них был принят в феврале 2011 года. Так же, как и в «Стратегии национальной безопасности», военной доктриной подчеркивается, что главной стратегической целью для США остается «сохранение глобального лидерства»²⁷. Поэтому, «стремясь придерживаться

²⁴ См. J. Nye. *Soft Power*. N. Y., 2004. P. X.

²⁵ «National Security Strategy of the United States of America, 2010». — www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf

²⁶ См. *ibid.*

²⁷ «National Military Strategy of the United States of America, 2011». — www.jsc.mil/content/files/2011-02-020811084800_2011_NMS_-08_FEB_2011.pdf. P. 4.

²³ Е. Степанова. Государство и человек в современных вооруженных конфликтах. — www.intertrends.ru/sixteenth/003.htm

международных стандартов ООН, США будут использовать военную силу во взаимодействии с союзниками и партнерами, когда это возможно, сохраняя за собой право действовать в одиночку в случае необходимости»²⁸. Как видим, все предельно ясно и понятно. Как говорится, комментарии излишни.

Анализ российских стратегических документов показывает, что в подходах к планированию и постановке задач в сфере безопасности в РФ происходят гораздо более существенные изменения, чем в США. Современная Россия, благодаря экономической и политической консолидации, заметной в начале XXI века, старается и на международной арене вернуть статус великой державы. «Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты на долгосрочную перспективу заключаются: в развитии демократии и гражданского общества, повышении конкурентоспособности национальной экономики; в обеспечении незыблемости конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета РФ; в превращении РФ в мировую державу (курсив мой. — М. М.)»²⁹. В отличие от Америки, российское стратегическое планирование не оперирует категориями глобального лидерства.

Существует еще ряд принципиальных отличий двух стратегий. Так, если США готовы применять силу «в случае необходимости» — то есть по своему усмотрению, то Россия «считает правомерным применение Вооруженных Сил и других войск для отражения агрессии против нее и (или) ее союзников, поддержания (восстановления) мира по решению Совета Безопасности ООН, других структур коллективной безопасности, а также для обеспечения

защиты своих граждан, находящихся за пределами Российской Федерации, в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации». В то же время Россия «оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства»³⁰.

Различия касаются и уровня угроз. Если Вашингтон беспокоят прежде всего угрозы, исходящие от террористических групп и так называемых стран-изгоев, то серьезной опасностью для Москвы остается НАТО. «Определяющим фактором в отношениях с Организацией Североатлантического договора останется неприемлемость для России планов продвижения военной инфраструктуры альянса к ее границам и попытки придания ему глобальных функций, идущих вразрез с нормами международного права (курсив мой. — М. М.)». В то же время, «Россия готова к развитию отношений с Организацией Североатлантического договора на основе равноправия и в интересах укрепления всеобщей безопасности в Евроатлантическом регионе, глубина и содержание которых будут определяться готовностью альянса к учету законных интересов России при осуществлении военно-политического планирования, уважению норм международного права, а также к их дальнейшей трансформации и поиску новых задач и функций гуманистической направленности»³¹. Помимо готовности сотрудничать с НАТО в «Военной доктрине РФ» зафик-

²⁸ *Ibid.* P. 8.

²⁹ «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». — www.президент.рф/ref_notes/424

³⁰ «Военная доктрина РФ, 2010». — www.rg.ru/2010/02/10/doktrina-dok.html

³¹ «Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года». § 17.

сировано также стремление укреплять систему коллективной безопасности в рамках ОДКБ и наращивать ее потенциал; усиливать взаимодействие в области международной безопасности в рамках СНГ, ОБСЕ, ЕС и ШОС³².

Отличаются стратегии и в технологическом плане. Так, Америка ориентирована на поддержание существующего баланса ядерных и конвенциональных сил, а также на параллельное, в случае необходимости, осуществление действий в нескольких сферах и регионах³³. В отличие от США, Россия придерживается так называемого несимметричного развития своей оборонительной системы. Например, в «Стратегии национальной безопасности» говорится о том, что *главной задачей в среднесрочной перспективе является переход к качественно новому облику Вооруженных сил с сохранением потенциала стратегических ядерных сил за счет совершенствования организационно-штатной структуры и системы территориального базирования войск и сил, наращивания количества частей постоянной готовности, а также совершенствования оперативной и боевой подготовки, организации межвидового взаимодействия войск и сил. Одним словом, ядерный потенциал остается главным фактором, который должен предотвратить какое-либо военное действие стратегического масштаба. А менее крупная, хорошо оборудованная, боеспособная и мобильная конвенциональная компонента должна обеспечить оборону страны на отдельных направлениях и участвовать в решении других вызовов безопасности и угроз внутри страны.*

Итак, самые существенные отличия касаются позиционирования этих стран в системе международной безопасности. Если «Военная стратегия

США» изобилует понятиями «национальные интересы», «национальные приоритеты» и «глобальное лидерство», то в аналогичном документе российской стороны доминируют «сотрудничеством в рамках международных организаций», «международные инструменты сопротивления региональным вызовам и угрозам военно-политического и военно-стратегического характера», «открытая система коллективной безопасности на четких договорно-правовых основах».

Необходимо отметить, что три базовых документа РФ — «Стратегия национальной безопасности», «Военная доктрина» и «Концепция внешней политики» — основаны на принципах неделимости безопасности, запрещения применения силы и угрозы силой, приверженности основным началам безопасности международных отношений. Еще в октябре 2008 года на международной конференции в Эвиане (Франция) Президент РФ Д. Медведев предложил новый подход к созданию системы коллективной безопасности — Договор коллективной безопасности. В этом вопросе «надо следовать трем “не”. А именно — не обеспечивать свою безопасность за счет безопасности других. Не допускать (в рамках любых военных союзов или коалиций) действий, которые ослабляют единство общего пространства безопасности. И в-третьих, не позволять, чтобы развитие военных союзов осуществлялось в ущерб безопасности других участников Договора»³⁴. К сожалению, несмотря на миролюбивые инициативы России, достичь какого-либо прогресса в создании работающей системы коллективной безопасности пока не удастся³⁵.

³⁴ «Медведев сформулировал новые принципы европейской безопасности». — www.qwas.ru/russia/edinros/id_123448/

³⁵ См. **М. Младеновић**. Руски предлог реформе европске архитектуре безбедности између утопије и стварности. — «Моћ заштите». Београд, 2001. С. 484—501.

³² См. «Военная доктрина РФ, 2010». § 50.

³³ См. «The National Military Strategy of USA». Р. 18, 19.

Более того, ливийский кризис показал, что достижение этой идеи потребует еще очень много сил и времени.

Однако Москва не прекращает работать в этом направлении, по всей видимости, полагая, что результатом продвигаемых ею договоров и соглашений должен стать конец однополярной геополитической конфигурации и осуществление концепции многополярного мира, в котором России будет принадлежать часть того, чем располагал Советский Союз.

Новая стратегическая концепция Республики Сербия

Изменения геополитической архитектуры, произошедшие с конца XX века — особенно кровопролитный распад социалистической Югославии и военная интервенция против СРЮ в 1999 году — не могли не найти отражения в стратегии безопасности Сербии.

После распада СФРЮ все новые государства и государственные образования, в рамках которых действовала Сербия (Союзная Республика Югославия и Государственный союз Сербии и Черногории), осуществили реформирование своих систем безопасности. Самое непосредственное влияние на этот процесс оказало переформатирование отношений в бывшем социалистическом лагере и в зоне советского влияния. Победители в «холодной войне» старались максимально широко зафиксировать результаты своей победы. Реформа вооруженных сил в странах, которые являлись членами или союзниками демонтированной Организации Варшавского договора (ОВД), стала одним из условий их полноправного включения в международное сообщество и главным показателем нового направления в сфере безопасности, а также характера и темпов трансформации политических систем в целом. Полное согласие с условиями Запада и НАТО

как главными гарантами безопасности «новых демократий» представляло для них важнейшую задачу: таким образом они доказывали свою готовность вступления в «прогрессивное общество» и «смывали» с себя «грех» прежней принадлежности к ОВД.

Отсутствие чувства вины, обусловленной фактором прошлой принадлежности к блоку проигравших, было одним из редких преимуществ Сербии по сравнению с другими посткоммунистическими странами. Социалистическая Югославия не являлась членом ни одного военного союза, а потому не оставила своей преемнице бремени «плохой» принадлежности или психологического чувства «младшего брата». Однако от социалистического периода осталось гораздо более тяжелое наследие — волюнтаристски проведенные границы, которые международное сообщество признало как границы новых государств, тем самым лишив возможности именно сербов заявлять и требовать самоопределения.

В результате распыленный и разбросанный не по своей воле народ оказался втянут в военные конфликты в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Косово. На фоне этих событий, а также жестких международных санкций в Сербии была начата реформа системы безопасности, включая армию, разведслужбы и внутренние войска. Этот процесс был сложным и противоречивым прежде всего в силу внешнего давления. Последнее государственное образование, частью которого была Сербия — Союз Сербии и Черногории — прекратило свое существование 5 июня 2006 года. 17 февраля 2008-го при поддержке западных стран автономный край Сербии Косово и Метохия провозгласил свою независимость.

В настоящий момент Республика Сербия еще не определилась в выборе стратегии, хотя он и не велик: самостоятельная или коллективная система безопасности. Надо сказать, что Народ-

ная Скупщина (парламент) 26 декабря 2007 года приняла решение о провозглашении военного нейтралитета по отношению к существующим военным союзам. Однако этот документ предусматривает возможность изменения решения путем республиканского референдума.

Отношение широких общественных слоев к данному вопросу настолько неоднозначно, что порой создается впечатление, будто речь не идет об интересах одного и того же государства. Пока же большинство населения поддерживает военный нейтралитет, меньшинство — позитивно смотрит на возможность вхождения в НАТО. Главными аргументами «за» НАТО являются: существующая изоляция Сербии от военно-интеграционных процессов, которые уже практически завершились в регионе; отсутствие у страны необходимых сил и средств для защиты в случае агрессии.

Противники вступления в НАТО, помимо исторических фактов — бомбардировки 1999 года, приводят аргумент о гарантиях безопасности, которые обеспечены членством в ЕС. Кроме того, решение о военном нейтралитете Сербии никак не означает отсутствия возможностей для сотрудничества с

другими структурами безопасности в мире, включая НАТО. Многочисленные двусторонние соглашения в области обороны и безопасности, а также сотрудничество в рамках программы «Партнерство во имя мира» — прекрасное тому доказательство. Тем не менее на государственном уровне доминирующим становится проатовский тренд. Если он победит, то, к сожалению, «Сербия остается рабом однополярного евроатлантического мира»³⁶, проблемы которого очевидны, а перспективы туманны. Как Сербия справится с «бременем выбора» между НАТО и нейтралитетом, покажет время. 6 мая 2012 года в стране пройдут президентские и парламентские выборы. По их итогам мы узнаем расклад политических сил, которые примут стратегическое решение.

В заключение, в качестве напутствия будущим депутатам и президенту, еще раз отмечу, что стратегия — не просто набор целей и задач. Это мощное оружие. Поэтому в переломные, знаковые моменты истории выигрывает тот, кто обладает четкой и выверенной стратегией. ◆

³⁶ **Б. Алексич.** На шаг ближе к НАТО. — www.rusk.ru/st.php?idar=325674